

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие Женщины

Самые лучшие девочки

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

«Издательство АСТ»

1868

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Олкотт Л.

Маленькие женщины / Л. Олкотт — «Издательство АСТ»,
1868 — (Самые лучшие девочки)

ISBN 978-5-17-123522-2

Знаменитый роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт (1832–1888) «Маленькие женщины» увидел свет в 1868 году. История о судьбах четырех сестер – Мэг, Джо, Бесс и Эми – уже более ста лет продолжает волновать сердца читателей, потому что темы, которые затрагиваются в романе, вечны во все времена: заботы о близких, взросление, поиски счастья, дружбы и, конечно же, первой любви. Роман стал классикой мировой литературы и был несколько раз экранизирован. Перевод с английского и адаптация М. Батищевой. Для среднего школьного возраста. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-123522-2

© Олкотт Л., 1868

© Издательство АСТ, 1868

Содержание

Глава 1. Игра в пилигримов	7
Глава 2. Счастливое Рождество	16
Глава 3. Внук доктора Лоренса	22
Глава 4. Ноши пилигримов	29
Глава 5. По-соседски	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

© Батищева М.Ю., перевод, 2020
© Батищева М.Ю., адаптация, 2020
© Булай Е.В., илл., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Глава 1. Игра в пилигримов

– Без подарков и Рождество не Рождество, – недовольно проворчала Джо, растягиваясь на коврик перед камином.

– Как это отвратительно – быть бедным! – вздохнула Мег, опустив взгляд на свое старое платье.

– Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, – обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

– Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, – с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

– Нет с нами папы и не будет, пока война не закончится...

Она не произнесла: «А может быть, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них – там, где войска северных штатов сражаются с мятежниками-южанами.

С минуту все молчали; затем Мег заговорила другим тоном:

– Вы же знаете, почему мама предложила не делать друг другу подарков на Рождество. Она считает, что мы не должны тратить деньги на удовольствия, когда мужчинам так тяжело на фронте.

– У каждой из нас лишь доллар на карманные расходы. Вряд ли мы так уж поможем армии, даже если пожертвуем ей эти деньги. Мне не нужно никаких подарков от вас, но я хочу купить себе «Ундину и Синтрама». Я так долго мечтала об этой книге! – сказала Джо.

– Я собиралась потратить свой доллар на новые ноты. – И Бесс чуть слышно вздохнула.

– А мне просто необходима коробка цветных карандашей, – заявила Эми решительно.

– Мама ничего не говорила о наших карманных деньгах. Пусть каждая из нас купит что хочет, и хоть немного порадует! – предложила Джо. – По-моему, мы заслужили это тем, что так усердно трудились!

– Уж мне-то действительно пришлось нелегко – целыми днями учить этих надоедливых детей, – снова начала Мег жалобным тоном.

– Мне было гораздо тяжелее, – заявила Джо. – Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с капризной старухой, которая вечно недовольна и надоедает до такой степени, что ты готова выброситься из окна?

– Нехорошо, конечно, жаловаться, но я считаю, что мыть посуду и вытирать пыль – самая неприятная работа на свете. От нее руки делаются как деревянные, так что я даже не могу как следует играть гаммы. – И Бесс взглянула на свои загрубевшие руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

– Ни одна из вас не страдает так сильно, как я! – воскликнула Эми. – Ведь вам не приходится сидеть в школе с наглыми девчонками, которые ябедничают на тебя, если ты не знаешь урока, смеются над твоими платьями, оскорбляют тебя из-за того, что у тебя не очень красивый нос, и чистят твоего отца, так как он небогат.

– Если ты хочешь сказать честят, то так и скажи, а не говори об отце так, как будто он закопченный чайник, – посоветовала Джо со смехом.

– Ни к чему обращаться ко мне с таким старказмом. Это очень похвально – пополнять свой лисикон, – с достоинством парировала Эми.

– Не ссорьтесь. Ах, если бы у нас сейчас были те деньги, которых папа лишился, когда мы были маленькими! – сказала Мег, которая была старшей и могла припомнить лучшие времена. – Как бы счастливы мы были!

– А на днях ты говорила, что, по твоему мнению, мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, несмотря на все их богатство, так как они вечно ссорятся да дерутся.

– Ну да, мы действительно счастливее их, пусть даже нам и приходится работать. Ведь зато мы умеем повеселиться, и вообще мы «теплая компания», как сказала бы Джо.

– Джо всегда употребляет такие вульгарные выражения! – заметила Эми, укоризненно взглянув на длинную фигуру, растянувшуюся на коврике.

Джо немедленно села, засунула руки в карманы и засвистела.

– Перестань, Джо, это так по-мальчишески!

– Терпеть не могу грубых, невоспитанных девочек!

– Ненавижу жеманных и манерных недотрог!

– «Птички в гнездышке своем все щебечут в лад», – запела Бесс с таким забавным выражением лица, что все рассмеялись.

– Твои манеры, Джозефина, не имели большого значения, пока ты была маленькой, – сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. – Но теперь, когда ты такая высокая и носишь «взрослую» прическу, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец. А что касается тебя, Эми, то ты чересчур чопорна и церемонна. Пока это просто смешно, но ты рискуешь со временем превратиться в глупую жеманную гусыню. Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

– Если Джо – мальчишка-сорванец, а Эми – жеманная гусыня, то кто же я? – спросила Бесс, готовая выслушать упреки в свой адрес.

– Ты просто прелесть, – ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, ведь Бесс была любимицей всей семьи.

Декабрьские сумерки медленно сгущались, за окнами тихо падал пушистый снег, в камине, возле которого с вязаньем в руках сидели четыре сестры, весело потрескивал огонь. Лежавший на полу ковер был старым и выцветшим, а мебель в комнате самой простой, но на стенах висело несколько хороших картин, шкаф был заполнен книгами, на подоконниках цвели маленькие розочки, и все вокруг дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестер, недавно исполнилось шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими темными волосами и белыми ручками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо, высокая, худая, смуглая и немного сутулая, напоминала жеребенка, так как, казалось, совершенно не знала, что делать со своими длинными руками и ногами, которые всегда ей мешали. Длинные густые волосы были ее единственной красотой, но обычно она сворачивала их в узел и укладывала в сетку, чтобы не мешали. К одежде своей она относилась равнодушно и производила впечатление девочки, которая стремительно превращается в женщину и очень этим недовольна. Элизабет – или Бесс, как все ее называли, – была румяная тринадцатилетняя девочка с гладкими волосами и яркими глазами, застенчивая, робкая, с неизменно кротким выражением лица. Она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, решаясь покинуть его лишь для

встречи с теми немногими, кого любила. Эми, хоть и младшая, считала себя самой важной особой в семействе. Настоящая снегурочка с голубыми глазами и вьющимися золотистыми волосами, она всегда следила за своими манерами, стараясь вести себя, как юная леди.

Часы пробили шесть. Скоро должна была вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Бесс вымела золу из камина, Мег зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо села, чтобы подержать мамины домашние туфли поближе к огню и согреть их.

- Маме нужна новая пара, эти совсем сношенные.
- Я куплю ей на мой доллар, – сказала Бесс.
- Нет, я это сделаю! – закричала Эми.

– Я старшая, – начала Мег, но тут решительно вмешалась Джо:
– Пока папы нет, я в семье за мужчину, и я куплю ей туфли, потому что он, уезжая, велел мне заботиться о ней.

– Пусть каждая из нас сделает ей какой-нибудь подарок на Рождество, а для себя покупать ничего не будем, – предложила Бесс.

– Отлично, дорогая! Как это на тебя похоже! Что же мы купим? – радостно воскликнула Джо.

На минуту все глубоко задумались, затем Мег объявила, так, словно идея была подсказана ей видом ее собственных хорошеньких ручек:

– Я подарю ей пару красивых перчаток.

– Армейские туфли, лучше быть не может! – воскликнула Джо.

– Несколько носовых платочков, подрубленных и с меткой, – сказала Бесс.

– Я куплю маленькую бутылочку одеколona. Он ей нравится, и это будет недорого, так что у меня останутся деньги на карандаши, – добавила Эми.

– Отлично! За покупками придется пойти завтра после обеда. До Рождества остается совсем мало времени, а нам еще столько всего нужно подготовить для нашего спектакля, – сказала Джо, расхаживая взад и вперед по комнате с заложенными за спину руками. – Давайте прямо сейчас проведем репетицию. Эми, иди сюда, разыграем еще раз сцену, где ты падаешь в обморок, а то у тебя в ней такой вид, словно ты аршин проглотила.

– Я никогда не видела, как падают в обморок, а грохаться плашмя, как ты, и набивать себе шишки не собираюсь, – возразила Эми, которая получила роль главной героини лишь потому, что была маленькой и злодей в пьесе мог утащить ее за кулисы.

– Сделай так: сцепи руки и, шатаясь, отступай и отчаянно кричи: «Родриго! Спаси меня!» – И Джо продемонстрировала этот маневр с воплем, от которого дрожь пробирала до костей.

Эми последовала ее примеру, но при этом двигалась резкими толчками, а ее «О-о!» наводило на мысль скорее об уколе булавкой, чем о душевных муках. У Джо вырвался стон отчаяния:

– Бесплезно! Если публика будет смеяться, меня не вини. Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло гладко: дон Педро, отец героини, бросил вызов миру в речи длиной в две страницы; волшебница Хейгар пропела заклинания над кипящим котелком, полным ядовитых жаб; Родриго, главный положительный герой, решительно разорвал в куски свои цепи, а Гуго, главный злодей, с леденящим кровь «ха, ха, ха!» умер в мучениях, вызванных отравой и угрызениями совести.

– И как это тебе удастся сочинять такие замечательные пьесы, Джо? Ты настоящий Шекспир! – воскликнула Бесс, когда мертвый злодей поднялся и сел, потирая ушибленные локти.

– Ну, не совсем, – отвечала Джо скромно. – Моя опера «Проклятие волшебницы» неплоха, но хорошо бы поставить «Макбета». Мне всегда хотелось исполнить роль убийцы. «Кинжал ли вижу пред собою?» – пробормотала Джо, дико вращая глазами и судорожно хватая руками воздух, как это делал знаменитый трагик, которого она видела однажды в театре.

– Нет, это всего лишь вилка для поджаривания хлеба, а вместо хлеба на ней мамина туфля! – воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом хохота.

– Как это приятно, что я застала вас такими веселыми, девочки мои, – раздался у дверей радостный голос; и все обернулись, чтобы приветствовать высокую женщину с ласковым взглядом и приятным выражением лица. Несмотря на скромную одежду, вид у нее был благородный, и девочки считали, что под простым серым плащом и немодной шляпкой скрывается самая замечательная мама на свете.

– Ну, дорогие мои, как вы поживали без меня сегодня? У меня было много работы – мы готовили рождественские посылки для армии, так что я не смогла прийти домой на обед. Кто-нибудь заходил, Бесс? Как твой насморк, Мег? Джо, у тебя такой усталый вид. Поцелуй меня, Эми, крошка.

С этими расспросами миссис Марч сняла мокрый плащ и шляпку, надела теплые туфли, села в удобное кресло и привлекла к себе Эми, готовясь провести самые счастливые часы своего полного трудов и забот дня. Девочки засуетились, стараясь – каждая по-своему – сделать

все для ее удобства. Мег накрывала на стол, Джо принесла поленья для камина и расставляла стулья, с грохотом роняя и переворачивая все, к чему прикасалась, Бесс деловито сновала между кухней и гостиной, а Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все уже сидели за столом, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

– У меня есть чем угостить вас после ужина.

Быстрые улыбки словно солнечный луч пробежали по лицам.

– Письмо! Да здравствует папа! Быстро доедаем – и все! Хватит тебе, Эми, сгибать мизинчик и жеманиться над тарелкой! – закричала Джо, в спешке заглывая чай и роняя хлеб маслом вниз на ковер.

Наконец все были готовы и сели поближе к огню: мама – в большом кресле, Бесс – у ее ног, Мег и Эми уселись с двух сторон на ручках кресла, а Джо прислонилась сзади к спинке, чтобы никто не увидел ее слез, если письмо окажется трогательным. В письме мало говорилось о каждодневных трудностях и опасностях. Это было бодрое послание с яркими описаниями солдатской жизни, и лишь в конце сердце автора переполнялось отцовской любовью и тоской по оставшимся дома дочкам:

«Поцелуй их за меня и скажи им, что я думаю о них днем и молюсь за них ночью. Я знаю, они помнят все, что я говорил им, и останутся любящими и заботливыми, будут честно исполнять свой долг, упорно бороться со своими внутренними врагами и побеждать их так решительно и красиво, что, когда я вернусь к ним, я смогу еще глубже любить моих маленьких женщин и гордиться ими».

Все вздохнули, когда прозвучал этот отрывок письма. Джо не стыдилась огромной слезы, скатившейся на кончик носа, а Эми спрятала лицо на плече у матери и всхлипнула:

– Я такая себялюбивая! Но я постараюсь стать лучше.

– Мы все будем стараться! – воскликнула Мег. – Я слишком много думаю о моей внешности и не люблю работать, но впредь этого не будет.

– Я постараюсь стать той «маленькой женщиной», какой он хочет меня видеть, и исполню мой долг дома, вместо того чтобы мечтать о военных подвигах, – сказала Джо, думая при этом, что владеть собой, оставаясь дома, окажется для нее куда более трудной задачей, чем встретиться лицом к лицу с одним или двумя мятежниками-южанами.

Бесс не сказала ничего, она просто утерла слезы синим солдатским носком и принялась вязать изо всех сил, чтобы, не теряя времени, начать исполнять свой долг.

– Помните, как мы играли в «Путешествие пилигрима», когда вы были маленькими? – спросила миссис Марч. – Я привязывала вам на спину мешочки с лоскутками вместо котомок, давала вам шляпы, палки и бумажные свитки с напутствиями и отправляла вас в путешествие из погреба, который был Городом Разрушения, на крышу, где из разных красивых вещей мы создавали Небесный Город¹.

¹ В основу этой игры лег сюжет религиозно-дидактической поэмы английского писателя и проповедника Джона **Беньяна** (1628 – 1688) «Путешествие пилигрима» (1678), излагающей историю тяжкого пути Христиана, героя поэмы, к Небесному Городу, куда он отправляется, убедившись, что город, в котором он жил до сих пор, – Город Разрушения – обречен на гибель. Упоминаемые далее Прекрасный Дворец, Ярмарка Тщеславия, Долина Унижения – места, куда попадает на своем пути Христиан.

– Это было замечательно! Особенно пробираться мимо львов и сражаться с ангелом бездны! – воскликнула Джо.

– Я любила тот момент, когда мы наконец сбрасывали наши котомки и они катились вниз по лестнице, – сказала Мег.

– Мне было приятнее всего, когда все мы выходили на нашу плоскую крышу и радостно распевали в лучах солнца, – добавила Бесс с улыбкой.

– А я помню только, что боялась погреба, но любила молоко и пирожки, которые мы ели на крыше. Я теперь слишком взрослая для таких развлечений, а то, пожалуй, снова поиграла бы, – сказала Эми, которая заговорила об отказе от детских забав в зрелом двенадцатилетнем возрасте.

– Дорогая моя, мы играем в эту игру всю жизнь. Наши котомки всегда за спиной, а стремление к добру и счастью – тот проводник, что ведет нас через множество огорчений и ошибок к душевному покою. Почему бы вам, мои юные пилигримы, не пуститься в путь, только не понарошку, а на самом деле?

– Где же наши котомки? – спросила Эми, которая была очень прозаичной юной особой.

– Каждая из вас уже сказала, какую ношу ей предстоит нести. И только Бесс промолчала. Должно быть, у нее такой ноши нет, – заметила миссис Марч.

– Моя ноша – мытье посуды и вытирание пыли, а еще я завидую девочкам, которые могут играть на хорошем фортепиано, и боюсь людей.

Всем захотелось рассмеяться, но никто не сделал этого, не желая ее обидеть.

– Так двинемся в путь, – сказала Мег задумчиво. – Игра в пилигримов – это просто другое название стремления стать лучше.

– Но где наши свитки с напутствиями? – спросила Джо, в восторге от того, что игра внесет хоть немного романтики в такую скучную задачу, как исполнение долга.

– Загляните под подушку в рождественское утро, и вы найдете там свой путеводитель, – отвечала миссис Марч.

Затем девочки принесли рабочие корзинки – нужно было подшить простыни для тети Марч. Это было скучное занятие, но работа спорилась, так как они приняли предложение Джо: разделить каждый из длинных швов на четыре части, назвать их Европа, Азия, Африка и Америка и, делая стежки на каждой из этих частей, беседовать о разных странах этих континентов.

В девять все прекратили работу и, прежде чем отправиться в постель, по семейной традиции пропели хором несколько песен. Никто, кроме Бесс, не мог извлечь мелодичные звуки из обветшавшего фортепиано. Мег и мать вели маленький хор. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо была на седьмом небе от счастья, вечно умудряясь испортить мелодию неожиданной трелью или хрипылыми звуками.

Глава 2. Счастливое Рождество

В рождественское утро Джо проснулась первой. Она вспомнила об обещании матери и, сунув руку под подушку, достала оттуда книжку в малиновой обложке – прекрасный рассказ о замечательной жизни, лучшей из всех когда-либо прожитых на земле, настоящий путеводитель для каждого пилигрима, отправляющегося в дальний путь. Радостным восклицанием «Счастливого Рождества!» Джо разбудила сестер и предложила им тоже заглянуть под подушки. Оттуда появились такие же Евангелия, с той же самой картинкой внутри и теми же напутственными словами, написанными матерью.

– Девочки, – сказала Мег серьезно, – давайте будем читать Евангелие понемногу каждое утро. Я уверена, это будет поддерживать нас в течение всего дня.

Все раскрыли свои новые книжки и погрузились в чтение. Тишину нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц, а утреннее зимнее солнце заглядывало в окна, чтобы в ласковом рождественском приветствии коснуться блестящих волос и серьезных лиц.

– Где же мама? – спросила Мег у Ханны, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить мать за подарки. Ханна жила в семье со времени рождения Мег и считалась скорее другом, чем служанкой.

– Приходил тут мальчуган какой-то милостыню просить, вот ваша мамаша и пошла прямо к нему домой, чтоб поглядеть, чем там помочь можно, – отвечала Ханна.

– Я думаю, она скоро вернется, Ханна, так что накрывайте на стол, – сказала Мег, выдвигая из-под дивана корзинку, где были спрятаны подарки для мамы. – А где же подарок Эми? – спросила она, обнаружив, что флакончика с одеколоном в корзинке нет.

– Кажется, она унесла свою бутылочку, чтобы перевязать ленточкой, – ответила Джо, пританцовывая в новеньких туфлях, чтобы немного размять их, прежде чем вручить маме.

– Красивые у меня получились платочки, правда? – сказала Бесс, с гордостью глядя на не очень ровно вышитые буквы, которые стоили ей немалых трудов.

– Мама идет! Прячь корзинку, живо! – приказала Джо, когда в передней хлопнула дверь и послышались шаги.

В комнату торопливо вошла Эми в капоре и плаще.

– Где ты была? Что ты прячешь за спиной? – удивленно спросила Мег.

– Только не смейтесь надо мной! Я сбежала в магазин и поменяла маленькую бутылочку на большую, и отдала за нее все мои деньги. Теперь мой подарок самый красивый!

Снова послышался стук парадной двери – и корзинка исчезла под диваном, а девочки поспешили к столу, который уже был накрыт к завтраку.

– Счастливого Рождества, мама! Спасибо за книжки! Мы уже читали их сегодня и будем делать это каждое утро! – закричали они хором.

– Счастливого Рождества, доченьки! Я надеюсь, что вы будете возвращаться к этой книге снова и снова. Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что сказать вам. В одном из домов

неподалеку отсюда лежит бедная женщина с новорожденным младенцем и еще шестью детишками. В доме нет ни еды, ни дров, и старший мальчик пришел сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны подарить им на Рождество свой завтрак?

Девочки были голоднее обычного, после того как прождали завтрак целый час. Несколько мгновений все молчали, а потом Джо воскликнула с жаром:

– Как хорошо, что ты пришла прежде, чем мы начали есть!

– Можно я пойду с тобой и помогу отнести еду этим бедным детям? – спросила Бесс горячо.

– Я понесу сливки и булочки, – добавила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже накрывала горшочек с гречневой кашей и складывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

– Я знала, что вы поступите именно так, – сказала миссис Марч с улыбкой удовлетворения. – Мы пойдем все вместе, а когда вернемся, то позавтракаем хлебом и молоком.

– Вот это и значит любить ближнего больше, чем себя самого, и мне это нравится, – сказала Мег, когда они вернулись домой и снова достали из-под дивана корзинку с подарками, пока мать наверху собирала одежду для бедного семейства Хаммелей.

Конечно, подарки не являли собой великолепного зрелища, но сколько любви было вложено в эти четыре маленьких свертка и какой праздничный вид придавала столу, на котором они лежали, высокая ваза с красными розочками!

– Идет! Начинай, Бесс! Открывай дверь, Эми! Да здравствует мама! – закричала Джо, подбегая следом за Мег к двери.

Бесс заиграла самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег торжественно провела мать к почетному месту. Миссис Марч была удивлена и тронута. Улыбаясь, она рассматривала подарки и читала приложенные к ним записочки. Немало было смеха, поцелуев, веселых объяснений – всего того, что делает семейные праздники такими приятными и заставляет с нежностью вспоминать о них долгие годы.

А потом все занялись приготовлениями к вечернему спектаклю. Всё необходимое для домашних представлений девочки, пуская в ход всю свою изобретательность, делали сами: гитары из досок для разделки теста, старинные лампы из масленок, обернутых серебряной бумагой, доспехи из вырезанных в форме ромбов кусочков жести. Никакие мальчики к участию в представлениях не допускались, так что Джо могла исполнять мужские роли сколько душе угодно и в каждом спектакле с удовольствием надевала пару сапог из некрашеной кожи, подаренных ей одним из друзей, который был знаком с одной дамой, близко знавшей настоящего актера. Ограниченность численного состава труппы вынуждала двух главных актеров разучивать по три или четыре роли для каждой постановки, а во время представления молниеносно менять костюмы и вдобавок управляться с переменной декораций.

В рождественский вечер около десятка девочек расселось на кровати, изображавшей бельэтаж, прозвенел звонок, занавес раздвинулся, и спектакль начался.

«Мрачный лес», обещанный театральной программкой, был изображен несколькими комнатными растениями в горшках, куском зеленого сукна на полу и пещерой на заднем плане. Пещера была сделана из двух письменных столов вместо стен и рамы для сушки белья вместо крыши. В ней на фоне ярко пылающего огня склонялась над черным котелком старая волшебница. Выдержав минутную паузу, чтобы улеглось первое волнение среди публики, вошел Гуго, злодей с черной бородой и рапирой на боку, в шляпе с большими полями, широком плаще и сапогах из некрашеной кожи. Походив взад и вперед по сцене в большом волнении, он запел о своей ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и добиться любви от второй. Грубоватые звуки голоса Гуго, переходящие иногда от избытка чувств в крик, произвели глубокое впечатление, и, когда он остановился, чтобы перевести дух, зрители бурно заплодировали. Поклонившись с видом человека, привыкшего к сценическому успеху, Гуго приблизился к пещере и обратился к волшебнице Хейгар с приказом: «Эй, старуха! Выходи! Ты мне нужна!»

Появилась Мег, с длинными седыми волосами из конского хвоста, с посохом в руке и кабалистическими знаками на плаще. Гуго потребовал у нее одного зелья, чтобы заставить Зару полюбить его, и другого, чтобы известить Родриго. Хейгар в исполненной драматизма арии пообещала ему то и другое и приступила к вызову духов. Сначала из пещеры выплыла маленькая фигура в белом со сверкающими крыльями и уронила позолоченную бутылочку к ногам волшебницы. Затем из той же пещеры с издевательским смехом выскочил черный чертенок и швырнул в Гуго черную бутылочку. Мелодично излив свою благодарность и засунув обе бутылочки за голенища сапог, Гуго удалился, а Хейгар сообщила публике, что в прошлом он убил нескольких ее друзей и она намерена отомстить. Занавес закрылся, и в перерыве публика отдыхала, ела печенье и обсуждала достоинства оперы.

Со сцены довольно долго доносился стук молотка, а когда занавес вновь раздвинулся, глазам зрителей предстал настоящий шедевр плотницкого искусства: до самого потолка поднималась башня с окном, освещенным лампой. В окне появилась Зара, а под окном – Родриго, в шляпе с перьями, в красном плаще, с гитарой и, разумеется, в тех же самых сапогах из некрашеной кожи, в которых в первом действии появлялся Гуго. Преклонив колено у подножия башни, Родриго запел серенаду. Зара отвечала и, после музыкального диалога, согласилась на побег. И тут произошла самая эффектная сцена спектакля. Родриго извлек из кармана веревочную лестницу, забросил наверх один конец и предложил Заре спуститься. Она положила руку на плечо Родриго и собиралась грациозно спрыгнуть вниз, но ее шлейф зацепился за окно. Башня зашаталась и с грохотом упала на влюбленных! Над руинами отчаянно задержались ноги в сапогах из некрашеной кожи, а рядом с ними появилась золотистая головка, восклицающая: «Я тебе говорила! Я тебе говорила!» В этот момент в дело с удивительным присутствием духа вмешался дон Педро, жестокосердный родитель Зары. Он извлек дочь из-под развалин, коротко заметив: «Играй как ни в чем не бывало!», а затем приказал Родриго встать, чтобы с гневом и презрением изгнать его из своего королевства. Родриго, хоть и потрясенный падением башни, не повиновался величественному старцу и отказался двинуться с места. Своим примером неустрашимый возлюбленный зажег Зару: она также бросила вызов

суровому родителю, и в результате он отправил обоих в подземелье замка. Явился маленький, румяный и очень испуганный стражник с цепями и увел влюбленных, очевидно, забыв речь, которую должен был произнести.

Третье действие разворачивалось в одном из залов замка, куда явилась Хейгар, чтобы спасти влюбленных и разделаться с Гуго. Услышав его шаги, она прячется и наблюдает, как он выливает содержимое волшебных бутылочек в два кубка вина и приказывает маленькому робкому слуге отнести их пленникам в темницу. Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы что-то сказать ему, а тем временем Хейгар заменяет отравленные кубки на другие, безвредные. Слуга уносит их, а Хейгар выставляет обратно на стол кубок, в котором находился предназначенный для Родриго яд. Гуго, возжаждавший после долгих трелей, выпивает его, теряет рассудок и, после продолжительного сжимания кулаков и топая ногами, падает плашмя и умирает, в то время как Хейгар в арии, исполненной исключительной силы и мелодичности, сообщает ему о том, что она сделала. Это была по-настоящему захватывающая сцена, хотя некоторые, возможно, сочли, что неожиданно выбившиеся из-под шляпы в огромном количестве густые длинные волосы изрядно испортили впечатление от смерти злодея.

Четвертое действие представляло отчаявшегося Родриго на грани самоубийства, после сообщения о том, что Зара изменила ему. Уже приставив кинжал к сердцу, он слышит под окном прелестную песню, из которой узнает, что Зара верна ему, но находится в опасности. В окно брошен ключ, который откроет дверь. В порыве восторга Родриго рвет свои цепи и бросается вон из темницы, чтобы найти и спасти возлюбленную.

Пятое действие открывалось бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он требует, чтобы она удалилась в монастырь, но она не желает и слышать об этом и уже готова лишиться чувств, когда врывается Родриго и требует ее руки. Но он беден, и дон Педро отказывает ему. Герои отчаянно кричат и жестикулируют, но никак не могут прийти к согласию, когда входит робкий слуга с письмом и мешком от Хейгар. В письме она объявляет, что дарит юной паре несметные богатства. Мешок развязан, и сверкающие жестяные деньги в изобилии сыплются

на сцену. Все сливаются в радостном хоре, и занавес закрывает влюбленных, опустившихся на колени, чтобы, в позах, исполненных самой романтической грации, получить благословение дона Педро.

Последовали бурные аплодисменты, но складная кровать, изображавшая «бельэтаж», неожиданно закрылась, подавив энтузиазм публики. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие не могли говорить от хохота. Едва волнение улеглось, как появилась Ханна с поздравлениями от миссис Марч и приглашением к ужину.

Приглашение оказалось приятным сюрпризом даже для актеров. Такого великолепного пиршества не было еще ни разу. Мороженое, торт, фрукты, а в центре стола – большие букеты оранжерейных цветов!

– Это прислал наш сосед, мистер Лоренс, – пояснила миссис Марч с улыбкой. – Ханна рассказала одному из его слуг о вашем сегодняшнем завтраке. Мистер Лоренс немного странный старик, но то, что он услышал, ему понравилось. Много лет назад он был знаком с моим отцом и сегодня прислал мне любезную записку, в которой попросил позволения передать моим детям небольшое рождественское угощение.

– Это его внук поддал ему такую идею, я точно знаю! Он отличный парень, и я хотела бы познакомиться с ним поближе. Похоже, он и сам не прочь с нами подружиться. Только он очень застенчивый, – сказала Джо. – Когда наша кошка как-то раз убежала в их сад, он принес ее назад, и мы с ним поговорили у забора – про крикет и все такое – и отлично поладили, но как только он увидел, что Мег идет, так сразу ушел.

– Никогда не видела таких цветов! – Мег разглядывала букеты с большим интересом.

– Просто прелесть! Но все же мне милее розочки Бесс, – сказала миссис Марч, нюхая букетик, приколотый к ее платью.

Бесс прижалась к ней и шепнула:

– Хорошо бы можно было послать букетик и папе. Боюсь, у него не такое веселое Рождество, как у нас.

Глава 3. Внук доктора Лоренса

– Джо! Джо! Где ты? – кричала Мег с нижней ступеньки чердачной лестницы.

– Здесь! – отозвался сверху хриплый голос, и, взбежав на чердак, Мег нашла там сестру, которая лежала, закутавшись в шерстяной платок, на старом диване возле освещенного солнцем окна, грызла яблоко и заливалась слезами над какой-то повестью.

– Пригласительный билет! – восклицала Мег, размахивая драгоценной бумажкой. – *«Миссис Гардинер будет рада видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч в своем доме на небольшом ужине с танцами по случаю Нового года»*. Мама согласна нас отпустить, но что мы наденем?

– Наши поплиновые платья, потому что других у нас нет, – отвечала Джо с набитым ртом. – Твое совсем как новое, только вот я забыла, что прожгла свое сзади. Дырка залатана, но здорово заметно.

– Тебе придется сидеть смиренно и не поворачиваться спиной, а спереди все в порядке. У меня будет новая лента для волос, мама даст мне свою булавку с жемчугом, а мои новые туфли – просто прелесть, и перчатки сойдут, хотя они и не очень красивые.

– Мои испорчены лимонадом. Придется пойти без перчаток, – сказала Джо, которую никогда не волновали ее туалеты.

– Без перчаток не ходят на танцы! – решительно заявила Мег.

– Каждая из нас может надеть одну хорошую перчатку, а в руке будет нести плохую, – предложила Джо.

– Ну, хорошо. Только не сажай на мою перчатку пятен и веди себя прилично. Не закладывай руки за спину, не вытаращивайся ни на кого и воздержись от этой своей любимой при сказки «Христофор Колумб!».

– Не волнуйся. Я постараюсь не попасть ни в какие переделки. Теперь иди и ответь на приглашение, а мне дай дочитать эту замечательную историю.

И Мег удалилась, чтобы «принять с благодарностью» приглашение и пришить к своему платью маленькую рюшечку из настоящих кружев, пока Джо кончала книжку, четыре яблока и возню со Скрэбл, ручной крысой, которая жила на чердаке и ничуть не возражала против присутствия Джо.

Накануне Нового года в гостиной не было ни души, потому что обе младшие девочки присутствовали в комнате старших, поглощенных крайне важным делом – приготовлениями к вечеринке. Мег пожелала иметь несколько кудряшек надо лбом, и Джо зажала завернутые в бумажки пряди волос горячими щипцами.

– Какой странный запах! Похоже на паленую курицу, – заметила Эми, с видом превосходства поглаживая свои красивые локоны.

– А теперь я сниму бумажки – и вы увидите пушистое облако мелких колечек, – объявила Джо, отложив щипцы.

Она сняла бумажки, но обещанного «облака колечек» не оказалось – обожженные волосы остались в бумажках, и перепуганная парикмахерша положила несколько маленьких черных блинчиков на туалетный столик перед своей жертвой.

– Не везет мне, как всегда! Щипцы оказались слишком горячими! – простонала бедная Джо.

– Что ты наделала! Как я теперь пойду? – причитала Мег, с отчаянием глядя на неровные завитки надо лбом.

– Подкрути их и завяжи лентой, чтобы концы чуть-чуть свисали на лоб. Так многие девочки носят, – посоветовала Эми.

После разнообразных, не столь значительных неудач Мег и Джо были наконец готовы. Обе выглядели очень хорошо в своих простых платьях – Мег в серебристо-сером, с кружевной рюшечкой и жемчужной булавкой, с синей бархатной лентой на голове, а Джо – в темно-бордовом, с жестким льняным воротничком и белой хризантемой в качестве единственного украшения. Каждая надела одну хорошую чистую перчатку и держала в руке другую, испачканную, и все сошлись на том, что вид у них был «вполне непринужденный». Туфли Мег на высоких каблуках были тесными и жали, хоть она и не признавалась в этом, а все девятнадцать шпилек в волосах Джо, казалось, впивались ей прямо в голову – но... будем элегантны или умрем!

– Желаю вам весело провести время! – сказала миссис Марч, когда сестры легкой походкой двинулись по дорожке. – Возвращайтесь в одиннадцать. Я пришлю за вами Ханну. – Ворота уже захлопнулись за ними, но из окна снова донесся голос: – Девочки! А носовые платки вы не забыли?

– Платки чистые, а у Мег даже надушен одеколоном! – крикнула Джо, добавив со смехом: – Мама наверняка спросила бы нас об этом, даже если бы мы выскакивали из дома во время землетрясения...

– Это одна из ее аристократических склонностей. Настоящую леди всегда узнаешь по чистым ботинкам, перчаткам и носовому платку, – отозвалась Мег.

– Так не забудь, Джо: постарайся, чтобы никто не видел твоё платье сзади. Как мой пояс, в порядке? А волосы очень плохо выглядят? – спросила Мег, когда наконец отвернулась от зеркала в гардеробной дома миссис Гардинер. – Пойдем, держи спину прямо и делай маленькие шаги. Если тебе кого-нибудь представят, не пожимай ему руку – дамам это не подобает.

– Если увидишь, что я делаю что-то не то, подмигни мне, ладно? – отозвалась Джо, резко дернув свой воротничок и торопливо поправляя волосы.

– Подмигивать – неженственно. Я приподниму брови, если что-то не так.

Они спустились вниз, чувствуя себя несколько неуверенно, так как редко бывали в обществе и даже скромная вечеринка была для них большим событием. Миссис Гардинер, величавая пожилая дама, любезно приветствовала их и подвела к старшей из своих дочерей. Мег была знакома с Салли, и они скоро разговорились, но Джо, которую мало интересовала девичья болтовня, стояла в стороне, предусмотрительно повернувшись спиной к стене, и чувствовала себя так же не на месте, как жеребенок в оранжерее. Несколько мальчиков оживленно беседовали о коньках в другом конце зала, и ей очень хотелось присоединиться к ним. Она телеграфировала о своем желании сестре, но брови Мег взлетели вверх в такой тревоге, что Джо не осмелилась двинуться с места.

Начались танцы. Мег сразу была приглашена, и тесные туфли замелькали так проворно, что никто даже не догадывался о боли, которую их обладательница переносила с улыбкой. Джо, опасаясь, как бы кто-нибудь не вздумал пригласить ее, скользнула в задернутую шторой нишу. Но, когда штора упала за спиной Джо, она обнаружила, что очутилась лицом к лицу с внуком мистера Лоренса.

– Ох, я не знала, что здесь кто-то есть! – пробормотала Джо, собираясь вылететь так же быстро, как влетела.

Но мальчик засмеялся и сказал любезно:

– Оставайтесь, если хотите. Я зашел сюда потому, что почти никого здесь не знаю и почувствовал себя как-то неловко сначала.

– Со мной то же самое, – призналась Джо.

Мальчик снова сел, молча уставившись на свои лакированные балльные туфли. Наконец Джо сказала, стараясь побороть смущение:

– Кажется, я имела удовольствие встречать вас прежде. Вы наш сосед, не правда ли?

– Сосед. – Он поднял глаза и засмеялся. Церемонные манеры Джо показались ему довольно забавными, когда он вспомнил, как они болтали о крикете у забора в тот день, когда он принес убежавшую кошку. – Как поживает ваша кошка, мисс Марч?

Джо сразу почувствовала себя непринужденно и сказала самым дружеским тоном:

– Отлично, спасибо, мистер Лоренс, но я не мисс Марч, а всего лишь Джо.

– А я не мистер Лоренс, а просто Лори.

– Лори Лоренс – какое странное имя!

– Мое настоящее имя Теодор, но я его не люблю, потому что приятели зовут меня Дорой. Поэтому я заставил их называть меня Лори.

– Я тоже хотела бы, чтобы все говорили Джо вместо Джозефина. А как вам удалось добиться, что мальчишки перестали называть вас Дорой?

– Я их лупил.

– Я не могу отлупить тетю Марч, так что, наверное, мне придется терпеть и дальше.

– Вы не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори; судя по его виду, он считал, что это имя ей отлично подходит.

– Очень люблю, но только если много места и все просто веселятся. А в таком зале, как этот, я непременно что-нибудь опрокину или наступлю кому-нибудь на ногу, так что стараюсь держаться подальше от греха. А вы танцуете?

– Иногда. Понимаете, я несколько лет прожил за границей, а здесь еще мало бывал в обществе и не знаю, как у вас танцуют.

– За границей! – воскликнула Джо. – Расскажите! Я люблю, когда рассказывают о путешествиях.

И Лори рассказал ей о том, как учился в школе для мальчиков в Швейцарии, где они катались на лодках по озеру, а в каникулы путешествовали пешком по стране вместе с учителями.

– А теперь вы, вероятно, готовитесь в университет? Я видела, что вы корпите над книжками... я хотела сказать, прилежно занимаетесь. – И Джо покраснела из-за этого ужасного «корпите», которое вырвалось так неожиданно.

Лори усмехнулся, но не обиделся.

– Да, я пойду в университет через год или два.

– Как я хотела бы пойти в университет! А вы, похоже, этому не рады.

– Терпеть не могу этих университетов! Или зубрежка, или глупые развлечения. Я хотел бы жить в Италии и заниматься тем, чем мне нравится.

Джо хотелось спросить, чем именно ему нравится заниматься, но он так сурово сдвинул брови, что она предпочла переменить тему разговора:

– Отличная полька! Почему бы вам не пойти потанцевать?

– Только с вами, – ответил он галантно.

– Не могу. Понимаете, у меня скверная привычка стоять близко к огню, так что я вечно подпаливаю платья, а это даже прожгла. Оно аккуратно зачинено, но все равно здорово заметно, и Мег велела мне сидеть смирно, чтобы никто не увидел. Можете смеяться, если хотите. Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся; он на мгновение опустил взгляд, а затем сказал мягко:

– Не беда, здесь рядом длинный зал. Мы можем потанцевать в конце его, и никто нас не увидит. Пожалуйста, пойдете.

Джо поблагодарила и охотно пошла. Длинный зал был пустым, а полька – великолепной. Когда музыка умолкла, они сели на ступенях лестницы, чтобы отдышаться. Лори увлеченно рассказывал ей о студенческих фестивалях в Германии, когда в зал в поисках сестры вошла Мег. Она кивнула, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату. Мег упала на диван и, морщась от боли, сказала:

– Я вывихнула ногу. Каблук подвернулся. Не знаю, как я теперь доберусь до дома.

– Вот несчастье! Придется нанять экипаж или остаться здесь на всю ночь, – отвечала Джо, нежно растирая ногу сестры.

– Нанять экипаж стоит огромных денег. Но и здесь я остаться не могу: в доме полно гостей. Я отдохну и, когда придет Ханна, постараюсь встать. А пока принеси мне кофе. Я так устала.

С трудом отыскав столовую, Джо бросилась к столу и завладела чашкой кофе, которую тут же расплескала, сделав переднюю часть своего платья ничуть не лучше задней.

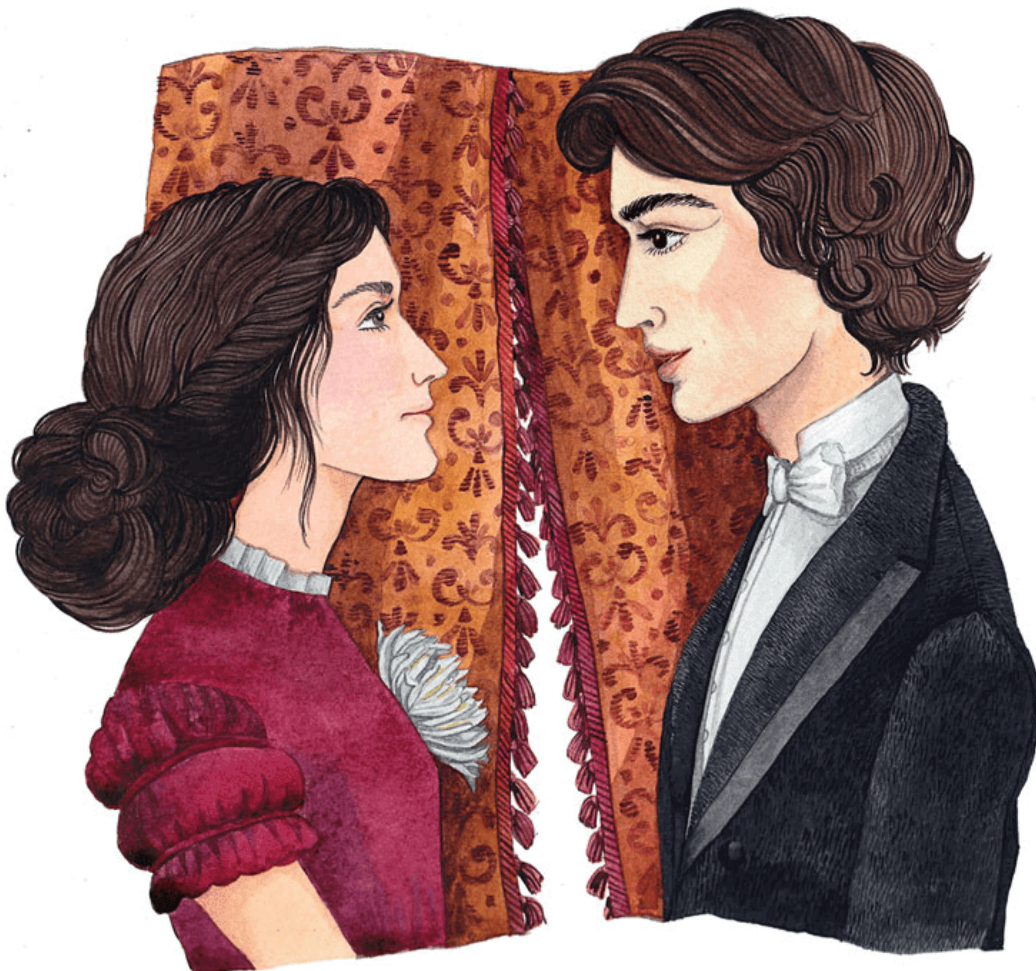
– Ну что я за растяпа! – воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мег.

– Не могу ли я помочь вам? – раздался дружеский голос. Это был Лори с чашкой кофе в одной руке и тарелкой мороженого в другой.

– Я хотела отнести что-нибудь Мег, она очень устала... но кто-то толкнул меня... и теперь я в таком отличном виде, – отвечала Джо, в ужасе переводя взгляд с пятна на юбке на перчатку цвета кофе.

– Сочувствую! А я хотел предложить кому-нибудь это угощение. Можно, я отнесу его вашей сестре?

– Спасибо! Я покажу вам, где она сидит.

Джо указала путь. Лори так, словно он давно привык обслуживать дам, принес маленький столик, вторую порцию кофе и мороженого для Джо, и втроем они приятно провели время до прихода Ханна. Увидев ее, Мег, совсем забывшая о своей ноге, проворно вскочила, но тут же вскрикнула от боли.

– Ничего не говори, – шепнула она сестре и, добавив вслух: – Ничего страшного. Я слегка подвернула ногу, – захромала вверх по лестнице, чтобы одеться.

Ханна ворчала, Мег плакала, и Джо решила взять дело в свои руки. Она сбежала вниз, отыскала слугу и попросила его найти экипаж. К несчастью, это оказался нанятый на один вечер официант, который не знал, где находились ближайшие конюшни. Джо растерянно озиралась кругом, когда Лори, услышавший ее слова, подошел и предложил экипаж своего дедушки.

– Позвольте мне отвезти вас домой. Ведь нам по пути... и, говорят, идет дождь.

Джо с благодарностью приняла предложение и вскоре доставила вниз остальную компанию. Ханна, которая боялась дождя, как кошка, не стала возражать, и они направились к роскошному закрытому экипажу. Чтобы Мег могла расположиться свободно и поднять ногу повыше, Лори сел на козлы, так что по пути девочки без стеснения могли обсуждать события этого вечера.

– Я отлично провела время. А ты? – спросила Джо, устраиваясь поудобнее.

– Да, пока не подвернула ногу. Я понравилась Энни Моффат – это подруга Салли, – и она пригласила меня погостить у нее недельку весной. Надеюсь, мама позволит мне поехать, – отвечала Мег, оживившись при этой мысли. – А что ты делала в нише за шторой?

Джо принялась рассказывать о своих приключениях, и к тому времени, когда она кончила, экипаж подкатил к дому. Рассыпавшись в благодарностях, они попрощались и тихо поднялись по лестнице, надеясь никого не потревожить. Однако, как только дверь их комнаты скрипнула, два сонных, но нетерпеливых голоса закричали:

– Расскажите о танцах! Расскажите!

Проявив то, что Мег назвала «ужасной невоспитанностью», Джо ухитрилась припрятать несколько конфет для младших сестер; скоро, выслушав описание самых волнующих событий вечера, они были удовлетворены.

– У меня такое чувство, словно я элегантная юная леди, которая вернулась домой с танцев в своем экипаже и сидит в пеньюаре у зеркала, а вокруг хлопочет горничная, – сказала Мег, обращаясь к Джо, которая только что привязала ей на ногу компресс и теперь расчесывала ей волосы.

– Я уверена, что мы получаем от танцев ничуть не меньше удовольствия, чем самые элегантные юные леди, несмотря на наши подпаленные волосы, старые платья, испачканные перчатки и тесные туфли, в которых вывихиваем ноги, если у нас хватает глупости их надеть, – заявила Джо, и она была совершенно права.

Глава 4. Ноши пилигримов

– Как трудно снова поднять котомку и зашагать дальше, – вздохнула Мег на следующее утро после танцев. Ее ноша, представлявшая собой четырех избалованных детей, казалась еще тяжелее, чем прежде.

Все остальные тоже были не в духе. У Бесс болела голова, и она лежала на диване, пытаясь утешиться обществом трех котят; Эми злилась, потому что не сделала уроки и не могла найти свои галоши; Джо свистела и роняла все подряд, поднимая невероятный шум; а Ханна смотрела мрачнее тучи, так как поздно ложиться спать было не в ее привычках.

– Второй такой злощей семейки не найдешь! – воскликнула Джо, потеряв терпение, после того как опрокинула чернильницу, разорвала оба шнурка в ботинках и уселась на свою шляпу.

– А ты в ней самая злощая! – отвечала Эми, смывая слезами совершенно неправильный ответ арифметической задачи с грифельной дощечки.

– Бесс, если ты не будешь держать своих гадких кошек в подвале, мне придется их утопить! – с гневом воскликнула Мег, безуспешно пытаясь освободиться от котенка, который вскарабкался ей на спину и пристал там как смола, повиснув вне пределов досягаемости.

Джо смеялась, Мег негодовала, Бесс умоляла, Эми подвывала, так как не могла сообразить, сколько будет девятью двенадцать.

– Девочки, прошу вас, замолчите хоть на минуту! Мне надо отправить это письмо с утренней почтой, а вы отвлекаете меня своей возней! – воскликнула миссис Марч, зачеркивая на листке бумаги уже третье испорченное предложение.

Наступило затишье. Затем в столовую торжественно вошла Ханна, поставила на стол два свежее испеченных пирожка и так же торжественно удалилась. Для Джо и Мег стало традицией, отправляясь на работу, брать с собой эти пирожки, которые они называли «муфтами». Настоящих муфт у них не было, а выходить из дома в холодную погоду с горячим свертком в руке было очень приятно.

– До свидания, мама. Мы были шайкой мерзавок в это утро, но вечером вернемся домой сущими ангелами. Пошли, Мег! – И Джо зашагала по дорожке, чувствуя, что пилигримы отправляются в путь совсем не так, как следовало бы.

Прежде чем свернуть за угол, они всегда оглядывались на родной дом, потому что мама обычно стояла у окна и с улыбкой махала им рукой.

– Если бы мама потрясла нам вслед кулаком, вместо того чтобы посылать воздушные поцелуи, то поделом бы нам, негодницам, было! – воскликнула Джо, испытывая мрачное удовлетворение от прогулки по снегу на пронизывающем ветру.

– Себя можешь называть как хочешь, но я не «мерзавка» и не «негодница», – отозвалась Мег из глубин шали, в которую она закуталась, словно монахиня, смертельно уставшая от мира.

– Ты недовольна тем, что не можешь окружить себя роскошью. Подожди! Вот стану знаменитой писательницей, и тогда у тебя каждый день будут экипажи, мороженое, туфли на высоких каблуках, букеты и кавалеры для танцев.

– Какая ты смешная, Джо!

– И хорошо, что смешная, а то, если бы я напускала на себя хандру, были бы мы сейчас в премилом виде. Ты тоже не ворчи, а возвращайся домой веселой и будешь умницей.

Джо ободряюще похлопала сестру по плечу, и они расстались.

Когда мистер Марч в попытке помочь неудачливому другу лишился своего состояния, старшие дочери попросили разрешения взяться за какую-нибудь работу, которая обеспечивала бы их содержание. Мег нашла место гувернантки со скромным жалованьем. Она, в отличие от младших сестер, хорошо помнила то время, когда дом был красивым, а жизнь полной удовольствий, и поэтому ей было особенно тяжело. К тому же в доме Кингов она каждый день видела бальные платья и букеты выезжающих в свет старших сестер ее воспитанников, слышала разговоры о театрах, концертах, катаниях на санях. Бедная Мег редко жаловалась, но сознание несправедливости порой вызывало в ее душе ожесточение против всех и каждого, так как она еще не научилась ценить те сокровища, которыми обладала и которым одним под силу сделать жизнь счастливой.

Джо попала в компаньонки к ворчливой и раздражительной тете Марч, которая хромала и нуждалась в постоянной помощи какого-нибудь энергичного человека. Скорее всего, подлинной приманкой для Джо оказалась большая библиотека, которая после смерти дяди Марча была предоставлена в распоряжение пыли и пауков. Стоило тете Марч задремать или заняться очередным гостем, как Джо спешила в это укромное место и, свернувшись калачиком в удобном кресле, пожирала поэзию, романы, исторические книги и описания путешествий, как настоящий книжный червь. Но в тот самый момент, когда она добиралась до самого захватывающего эпизода романа, самого прелестного стиха сонета или самого опасного приключения путешественников, до нее доносился пронзительный старческий голос: «Джо-зе-фи-на!» – и ей приходилось покидать свой рай, чтобы разматывать пряжу, мыть пуделя или часами читать вслух сборники проповедей.

Бесс была слишком робкой, чтобы учиться в школе. Она занималась дома под руководством отца, и даже теперь, когда он ушел на войну, продолжала добросовестно учить уроки. Она была очень хозяйственной и помогала Ханне поддерживать в доме чистоту и порядок. А еще у нее было шесть кукол, которых каждое утро нужно было разбудить, одеть и накормить. Среди них не было ни одной целой или красивой; когда старшие сестры с возрастом переставали поклоняться этим идолам, Бесс принимала отверженных на свое попечение. Одна из них, Джоанна, прежде принадлежала Джо и на исходе своей бурной жизни оказалась в плачевном виде в мешке с лоскутками. Из этой мрачной богадельни бедняжка была спасена Бесс и поступила в ее приют. У куклы не было верхней части головы, поэтому на нее пришлось надеть аккуратную маленькую шапочку, а отсутствие рук и ног скрыть, завернув ее в одеяло. Бесс предоставила этой неизлечимой больной лучшую из кукольных кроваток, приносила ей буке-

тики, читала вслух книжки, часто выносила ее подышать свежим воздухом, спрятав под пальто на груди, и каждый вечер пела ей колыбельные.

Больше всего Бесс огорчало то, что у нее не было хорошего фортепьяно. Но она продолжала терпеливо играть гаммы на дребезжащем старом инструменте, порой роняя слезы на пожелтевшие клавиши, когда из-под ее пальцев раздавался фальшивый звук.

Если бы кто-нибудь спросил Эми, что досаждает ей в жизни больше всего, она, ни минуты не раздумывая, ответила бы: «Мой приплюснутый нос». Никто, кроме нее, не обращал на ее нос внимания, но Эми глубоко переживала отсутствие греческого носа и покрывала целые листы бумаги изображениями прекрасных носов, чтобы утешиться. Она обладала явными способностями к рисованию. Больше всего ей нравилось изображать цветы, придумывать и рисовать фей и иллюстрировать книжки. Она кое-как справлялась с учебой в школе и умудрялась избегать замечаний благодаря образцовому поведению.

Мег была доверенным лицом и наставницей Эми, а Джо играла ту же роль в отношении кроткой Бесс. Старшие девочки были очень привязаны друг к другу, но каждая приняла на себя заботу об одной из младших и опекала ее на свой лад.

– Расскажите что-нибудь интересное! День был такой ужасный; мне до смерти хочется отвлечься, – сказала Мег, когда все четверо уселись за шитье в тот вечер.

– У меня сегодня вышла забавная история с тетей, – начала Джо, которая страстно любила рассказывать. – Я опять читала ей эти бесконечные проповеди и бубнила без всякого выражения. Я так всегда делаю, чтобы она поскорее задремала и можно было почитать какую-нибудь хорошую книжку, пока она спит. Но в этот раз я саму себя чуть не вогнала в сон и зевнула во весь рот, так что она спросила меня, не собираюсь ли уж я проглотить всю книгу целиком. «Жаль, что я не могу покончить с ней таким способом», – сказала я. Она отчитала меня и велела посидеть и подумать о моих прегрешениях, пока она на минуточку «забудется». Но так как ей обычно нужно много времени, чтобы «вспомниться», то я выхватила из кармана «Векфильдского священника» и принялась читать, а одним глазом косила на тетю. Я дошла до того места, где все они свалились в воду, и тут не удержалась и расхохоталась. Тетя проснулась и велела мне немного почитать вслух, чтобы она могла узнать, какое пустое чтиво я предпочитаю поучительным проповедям. Я начала с первой главы и постаралась изобразить героев как можно интереснее, только один раз остановилась в каком-то захватывающем месте и спросила, не без коварства: «Боюсь, вам скучно, мэм; может быть, не стоит читать дальше?» Она взглянула на меня сердито и сказала: «Дочитывайте главу, мисс, и не дерзайте».

– Она призналась, что ей понравилось? – спросила Мег.

– Конечно нет! Но, когда я уже уходила домой и забежала назад за перчатками, она сидела над «Векфильдским священником». Какая у нее унылая жизнь! Я ей не завидую, несмотря на все ее деньги. У богатых ничуть не меньше огорчений, чем у бедных, – заключила Джо.

– Твои слова напомнили мне, – сказала Мег, – что у меня тоже есть о чем рассказать. Сегодня у Кингов все были в волнении, и одна из младших девочек сказала, что старший из их братьев сделал что-то ужасное и отец хочет выгнать его из дома. Я слышала, как миссис Кинг плакала, а мистер Кинг кричал, а Грейс и Элен отвернулись, когда столкнулись со мной в коридоре, чтобы я не увидела их заплаканные лица. Я ни о чем, разумеется, не спрашивала, но мне было жаль их, и я была рада, что у меня нет никаких распущенных братьев, которые позорили бы семью гадкими поступками.

– А я думаю, что оказаться опозоренной в школе гораздо мучительнее, чем быть скомпроментированной поступками распущенного брата, – сказала Эми, покачивая головой. – Сузи Перкинс пришла сегодня в школу с прелестным колечком из красного сердолика, и я ужасно ей завидовала. А потом она нарисовала на своей дощечке мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом на спине, а изо рта у него выходили слова: «Я все вижу!» И мы все смеялись, но оказалось, что он действительно «все видит». Он взял Сузи за ухо – за ухо! какой ужас! – вывел на помост у классной доски и велел полчаса стоять там с дощечкой в руках на виду у всех. И я больше ей не завидовала, так как чувствовала, что и миллион красивых колечек не мог бы сделать меня счастливой после такого драматического инцидента. – Эми снова взялась за иглоку, гордясь тем, что сумела произнести два трудных слова подряд.

– А я сегодня утром видела забавную сценку, – сказала Бесс. – Ханна послала меня в рыбную лавку, а там был в это время мистер Лоренс. Он беседовал с мистером Каттером, хозяином лавки, когда вдруг вошла какая-то бедная женщина с ведром и шваброй. Она спросила мистера Каттера, не позволит ли он ей вымыть полы за кусочек рыбы, потому что у нее нет обеда для детей и она не нашла сегодня никакой другой работы. Мистер Каттер был занят и ответил «нет». Она уже собралась уходить, и вид у нее был голодный и печальный, когда мистер Лоренс подцепил загнутым концом своей трости большую рыбу и подал ей. Она так смешно благодарила его, прижимая к себе скользкую рыбу обеими руками, и желала ему «покойной постели» в небесах.

Отсмеявшись, девочки попросили мать тоже рассказать что-нибудь. Миссис Марч улыбнулась и начала так:

– Жили-были четыре девочки, у которых было достаточно еды и одежды, немало удовольствий и развлечений, добрые друзья и любящие родители, и все же эти девочки не были довольны. – Здесь слушательницы украдкой обменялись взглядами и начали шить прилежнее. – Эти девочки очень хотели быть хорошими и принимали немало похвальных решений, но не слишком твердо их придерживались. Они постоянно говорили: «Вот если бы у нас было это» или «Вот если бы у нас было то», забывая, как много всего уже имеют. Однажды они спросили одну добрую старушку, какое волшебство могло бы сделать их счастливыми, и та ответила им: «Когда вы чувствуете, что недовольны судьбой, вспоминайте о дарованных вам радостях». Девочки последовали ее совету и вскоре с удивлением увидели, что все пошло замечательно. Одна из них обнаружила, что никакие деньги не могут уберечь дома богачей от позора и горя; другая узнала, что хотя она и бедна, но все же гораздо счастливее со своей юностью и здоровьем, чем некая богатая, но раздражительная и немощная старая леди; третья поняла, что хоть и неприятно помогать готовить обед, но еще тяжелее, когда приходится его выпрашивать, а четвертая увидела, что даже сердоликовое кольцо не так ценно, как хорошее поведение. Так что все девочки решили радоваться тем сокровищам, какими уже обладали, и стараться быть достойными их.

– Но, мама, это нечестно! Обратить против нас наши же истории! – воскликнула Мег.

– Мне нравятся такие поучения. Раньше мы их и от папы слышали, – заметила Бесс задумчиво.

– Я жалею меньше других и буду еще более осмотрительной впредь, – сказала Эми с добродетельным видом.

– Нам был нужен этот урок, и мы его не забудем, – добавила Джо.

Глава 5. По-соседски

– Куда ты, Джо? – спросила Мег в один из холодных снежных дней, когда после обеда сестра в резиновых ботах, старом пальто и капоре, с метлой в одной руке и лопатой в другой, громко топая, прошла через переднюю.

– Иду на улицу размяться, – отвечала Джо, задорно сверкнув глазами. – Я не кошка, чтобы дремать у огня.

Мег осталась греть ноги у камина и читать книжку, а Джо принялась энергично расчищать дорожки возле дома. Низкая живая изгородь разделяла владения соседей. С одной стороны от нее стоял старый, потемневший от времени скромный дом Марчей, а по другую каменный особняк с большим каретным сараем, ухоженными газонами, оранжереей и богатыми занавесями в окнах. Однако выглядел этот великолепный дом унылым и безжизненным. Он казался Джо чем-то вроде заколдованного дворца, полного сокровищ, не приносящих никому радости. Она давно мечтала поближе познакомиться с «внуком мистера Лоренса», но в последние недели его совсем не было видно. Джо уже начала бояться, что он уехал, когда однажды высмотрела в одном из окон второго этажа его смуглое лицо. Он печально смотрел в сад Марчей, где Бесс и Эми играли в снежки.

«Этому мальчику одиноко, – сказала себе Джо. – Его дедушка просто не понимает, что полезно для внука, и держит его взаперти. И я непременно когда-нибудь пойду и вмешаюсь в это дело!»

Намерение «пойти и вмешаться» не было забыто, и в этот снежный день Джо решила предпринять первую попытку. Она увидела, как отъехал от дома в экипаже мистер Лоренс, и вышла в сад, чтобы расчистить себе путь к изгороди. Там она остановилась и, окинув взглядом особняк, увидела в окне второго этажа кудрявую черную голову, опущенную на худую руку.

«Это он, – подумала Джо. – Бедняга! Совсем один в такой мрачный день. Брошу-ка я снежок, чтобы он выглянул, и скажу ему доброе слово».

Снежок взлетел к окну – кудрявая голова мгновенно обернулась, печальное лицо оживилось. Джо кивнула, засмеялась и, помахав метлой, закричала:

– Как поживаешь? Болееешь?

Лори открыл окно и прокаркал хрипло, словно ворон:

– Уже лучше, спасибо. Сильно простудился, сидел дома целую неделю.

– Сочувствую. А как развлекаешься?

– Никак. Тоскливо тут, как в могиле.

– Читаешь?

- Немного. Мне не позволяют.
- Тогда позови кого-нибудь в гости.
- Мальчишки вечно поднимают ужасный гвалт, а я все еще чувствую слабость.
- Позови девочку. Девочки обычно тихие, милые и любят играть в сиделок.
- Да я ни одной не знаю.

– Ты знаешь нас, – начала было Джо, но тут же рассмеялась и умолкла.

– В самом деле! Приходи, пожалуйста! – крикнул Лори.

– Я, конечно, не тихая и не милая, но приду, если мама позволит. Сейчас спрошу у нее разрешения.

С этими словами Джо забросила метлу на плечо и зашагала к своему дому.

Мысль о возможности обрести новое общество привела Лори в приятное возбуждение. Он причесал свою взлохмаченную кудрявую голову, надел свежий воротничок и попытался прибраться в комнате.

Наконец послышался громкий звонок, и удивленный слуга объявил о визите молодой леди. Вскоре она, румяная и веселая, появилась в дверях. В одной руке у нее было накрытое блюдо, на другой висели трое котят Бесс.

– Вот и я, – начала она оживленно. – Мама велела передать привет и сказала, что будет рада, если я чем-нибудь смогу помочь тебе. Мег захотела, чтобы я отнесла тебе ее бланманже, оно у нее неплохо получается; а Бесс решила, что ее котята принесут тебе облегчение.

Забавная посылка Бесс оказалась наилучшим средством для завязывания знакомства: посмеявшись над котятами, Лори забыл свою застенчивость и сразу стал общительным.

– Пожалуй, это слишком красиво, чтобы есть, – сказал он с улыбкой, когда Джо открыла блюдо и показала ему бланманже, окруженное гирляндой зеленых листиков и алых цветов любимой герани Эми.

– Ничего особенного, просто у всех были самые дружеские чувства и все хотели это показать... Какая уютная комната! – Джо бросила нежный взгляд на несколько книжек, лежавших поблизости. – Хочешь, почитаю тебе вслух?

– Давай лучше поболтаем, – предложил Лори.

– Я не против. Могу болтать целыми днями. Бесс говорит, что я не знаю, когда замолчать.

– Бесс – это та румяная, которая все время дома? – с любопытством спросил Лори. – Красивая – Мег, а кудрявая – Эми; да?

– Как ты узнал?

Лори покраснел, но ответил совершенно честно:

– Я часто сижу здесь наверху в одиночестве и слышу, как вы зовете друг друга. А иногда вы забываете опустить шторы в окне, где растут цветы, и, когда лампы зажжены, словно смотришь на картину: камин и все вы вокруг стола с вашей мамой. Понимаешь, у меня нет мамы.

Унылый взгляд его черных глаз проник прямо в отзывчивое сердце Джо.

– Мы больше не будем занавешивать это окно. Можешь смотреть сколько хочешь. Только лучше бы ты пришел к нам в гости. Как ты думаешь, твой дедушка отпустит тебя?

– Думаю, что да, если твоя мама попросит его об этом.

– Тебе надо ходить всюду, куда тебя приглашают. Ничего, что ты застенчивый. Это пройдет, когда ты начнешь ходить в гости.

Лори снова покраснел, но не обиделся.

– Тебе нравится школа, где ты учишься? – спросил он, меняя тему разговора.

– Я не хожу в школу – я работаю. Ухаживаю за моей двою-родной бабушкой. – И Джо живо описала суетливую старую леди, ее жирного пуделя, говорящего попугая и библиотеку, где она, Джо, наслаждается отличными книгами.

Оказалось, что Лори тоже любит читать и прочел даже больше, чем она.

– Пойдем вниз, я покажу тебе нашу библиотеку, – сказал он, вставая.

Вдоль всех стен библиотеки тянулись огромные книжные шкафы, а еще там были картины, статуи, маленькие шкафчики с антикварными вещицами, удобные глубокие кресла, бронзовые канделябры и камин, выложенный затейливыми изразцами.

– Какая роскошь! – вздохнула Джо, оглядываясь кругом. – Теодор Лоренс, вы, должно быть, самый счастливый мальчик на свете!

– Человек не может жить одними книгами, – сказал Лори, покачивая головой.

Это было все, что он успел сказать. Зазвонил колокольчик.

– К вам доктор, – сказала горничная.

– Извини, Джо, но мне придется покинуть тебя на минутку, – сказал Лори.

– Не волнуйся, в таком месте я скучать не буду, – отвечала Джо.

Лори вышел, а его гостя приятно провела время в обществе книг и картин. В тот момент, когда дверь снова открылась, Джо стояла перед великолепным портретом старого мистера Лоренса. Не оборачиваясь, она решительно заявила:

– У твоего дедушки хорошие глаза, хотя рот суровый, и воля у него, судя по его виду, громадная. Он не такой красивый, как мой дедушка, но очень мне нравится.

– Спасибо, мэм, – раздался у нее за спиной грубоватый голос. Она обернулась и, к своему ужасу, увидела в дверях старого мистера Лоренса.

Бедная Джо покраснела так, что покраснеть сильнее было уже невозможно.

– Значит, мисс, вы думаете, что я не такой красивый, как ваш дедушка?

– Не совсем, сэр.

– Но я вам нравлюсь, несмотря на это?

– Да, сэр.

Довольный ответом, старик коротко рассмеялся.

– У тебя характер твоего дедушки. Он был замечательным человеком, храбрым и честным, и я горжусь, что был его другом.

– Спасибо, сэр. – Теперь Джо чувствовала себя уверенно, так как сказанное стариком совпадало с ее собственным мнением.

– А что ты делала у моего мальчишки? – неожиданно спросил мистер Лоренс.

– Просто пыталась действовать по-соседски. – И Джо рассказала о том, что привело к ее визиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.